

Петр Гнедич

История искусств с древнейших времен

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
П30

П30 **Петр Гнедич**
История искусств с древнейших времен / Петр Гнедич – М.: Книга по Требованию, 2013. – 524 с.

ISBN 978-5-458-43486-7

ISBN 978-5-458-43486-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИСТОРИЯ
ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

П. П. ГНѢДИЧА.

Съ 430 гравюрами въ текстѣ.

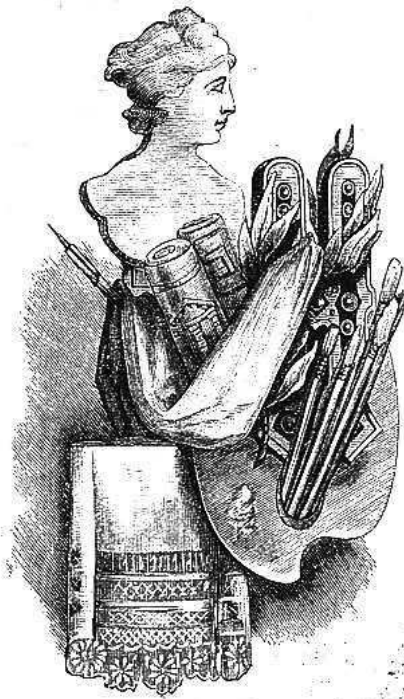

Издание А. Ф. МАРКСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1885.

Предисловіе.

астоящая книга—это первая попытка дать на русскомъ языкѣ, въ живомъ и сжатомъ изложеніи, картину общаго хода развитія искусствъ съдревнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Все изданное у насъ по этому предмету до сихъ поръ представляетъ переводъ иностранныхъ компиляцій, годныхъ болѣе для справокъ, чѣмъ для чтенія; изданія хорошо иллюстрированнаго, наглядно воспроизводящаго плоды творчества въ сферѣ образныхъ искусствъ, у насъ не было совершенно. Авторъ настоящаго сочиненія старался, обойдя излишнія и спеціальныя подробности, держаться возможно болѣе общедоступнаго изложенія. Его

трудъ никоимъ образомъ не учебникъ и, тѣмъ болѣе, не ученое сочиненіе: это книга для чтенія, пособіе при изученіи исторіи.

Авторъ смѣетъ думать, что предлагаемое изданіе должно заинтересовать вообще образованное общество, и художниковъ по преимуществу. При прохожденіи курса Исторіи Искусствъ въ Академіи Художествъ, вниманіе учащихся обращается болѣе всего на эпоху классицизма,—и съ позднѣйшими стадіями искусства они знакомятся въ большинствѣ случаевъ по отрывочнымъ журнальнымъ статьямъ. Предлагаемое сочиненіе пополнить для нихъ этотъ оцутительный пробѣлъ.

П. П. Тиньдинъ.

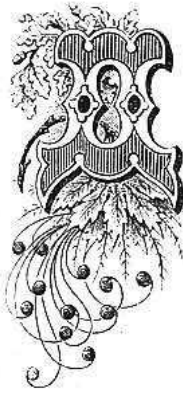
С.-Петербургъ.
1882—1885 годъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Введение.

Доисторическая эпоха.—Свайный период.—Пастушескія племена.
Задачи эстетики.

I.

ревнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ старины свидѣтельствуютъ, что за 5000 лѣтъ до насъ жили народы, обладавшіе высокой степенью культуры и яснымъ, опредѣленно сложившимся взглядомъ на искусство. Очевидно, что такая культура не явилась сразу, но имѣла огромный подготовительный періодъ времени, въ теченіе котораго крѣпла и созрѣвала человѣческая мысль. Періодъ этотъ, когда гений человѣка велъ, въ полномъ смыслѣ слова, борьбу за существованіе, добиваясь путемъ невѣроятнаго труда нѣкоторой жизненной обезпеченности, — періодъ этотъ извѣстенъ намъ только по раскопкамъ, — по тѣмъ остаткамъ, что мы находимъ въ курганахъ, на отмеляхъ, въ старыхъ пещерахъ, въ обвалахъ береговъ.

При взглядѣ на эти зачатки цивилизации, насъ поражаетъ сразу то стремленіе къ эстетической формѣ, которое не чуждо было первобытному человѣку на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія.

Человѣкъ былъ такъ жалокъ, такъ безконечно слабъ среди окружающей его гигантской фауны. Эти мастодонты, динотеріи, колоссальныя олени, тигры, плавающія ящеры, грозили ему на водѣ и на сушѣ. У него не было никакого оружія кромѣ суковатой палки, съ обожженнымъ въ огнѣ концемъ. Но ужъ и эта палка нѣсколько отличала его отъ прочихъ, ода-

ренныхъ инстинктомъ животныхъ: онъ зналъ огонь, онъ хранилъ его. Онъ видѣлъ, какъ дубъ загорается отъ удара молніи, какъ лава течетъ по склонамъ вулкана и воспламеняетъ дерево. Онъ унесъ этотъ огонь и поддерживалъ его между камней. До этого еще никто на землѣ не додумывался.

Человѣкъ видѣлъ, какъ бобры-великаны устраивали посреди рѣчки селеніе и соединяли его плотиною съ берегомъ. Хитрое подпираніе домика свалами давало особенную прочность постройкѣ. И вотъ появляются подобныя же свайныя человѣческія деревни, застраиваются маленькими поселками, гдѣ живутъ семьи и роды, гдѣ постоянно поддерживается огонь, процвѣтаютъ тѣ несложныя мастерства, безъ которыхъ немислимъ самый незатѣливый домашній обиходъ. Острые зубы и клыки, насаженные на палки, оберегаютъ въ крайнемъ случаѣ отъ нападенія неприятелей. Необходимость защиты отъ разныхъ невзгодъ, такъ называемая борьба за существованіе, создаетъ примитивное оружіе и постройки.

А бороться было съ чѣмъ. Дѣвственные тропическіе лѣса, покрывавшіе въ то время Европу, держали въ страхѣ его обывателей. Мохнату мамонту одного взмахомъ хоботомъ достаточно было, чтобы не только убить любого силача, но и разметать въ прахъ его убогое жилище. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Парижъ, среди лѣвъ, гроздьевъ винограда и переплетенной прозрачной сѣтти плюща, гнѣздились огромныя змѣи, извиваясь на сушьяхъ ста-

тридцати-аршинного дерева *sequivia gigantea*. Дикие лошади паслись по тучным пастбищам теперешней Германии. Ко всему присматривался человек, все это его поражало, он запоминал эти образы, носил их в себе, часто даже боготворил их,—и когда ему под руку попадался мало-мальски подходящий материал,—он воссоздавал их изображения, грубо, подлтеки, но самобытно, быть может с сильнѣйшим порывом вдохновения, чѣм творить нынѣшніе художники свои произведения.

При раскопках мы нередко встречаем выцарапанные на слоновой кости изображения головы носорога, оленя, коня — и даже чллага мамонта. Какой-то дикой таинственной силой дышат эти рисунки,—и во всякомъ случаѣ талантомъ несомнѣннымъ.

По прилагаемому рисунку можно судить насколько правдивен и удаченъ очеркъ допотопнаго слона, переданный невѣдомымъ художникомъ. Онъ несравненно выше позднѣйшихъ египетскихъ и ассирийскихъ рисунковъ: онъ безспорно лишенъ всякой условности и педантизма.

Едва человекъ обезпечилъ себя хотя немного, едва онъ мало-мальски чувствуетъ себя безопаснымъ—взглядъ его ищетъ красоты. Его поражаютъ яркіе цвѣта красокъ,—онъ расписываетъ себя тѣло всевозможными коллерами, патируетъ его жиромъ, обвѣшиваетъ нанизанными на шнурокъ ожерельями изъ ягодъ, фруктовыхъ косточекъ, костей и корней, даже просверливаетъ себѣ кожу для закрѣпленія украшеній. Густыя сѣти лань учатъ его плести себѣ койки для почета, и онъ плететъ первобытныя гамаки, уравнивая стороны и концы, заботясь о красотѣ и симметріи. Упругія вѣтви наталкиваютъ его на мысль о лукѣ. Трениемъ одного куска дерева о другой добывается искра. И на ряду съ этими необходимыми, необычайной важности открытіями, онъ заботится о пляскѣ, ритмическихъ

движеніяхъ, пучкахъ красивыхъ перьевъ на головѣ и тщательной росписи своей физиономіи.

Море выбрасываетъ гладко обточенные прибоемъ камни. Разбивъ ихъ на части, прибрежный житель получаетъ почти готовый наконечникъ оружія. Острый край раковины служитъ ему ножомъ. Морская трава даетъ превосходныя веревки, рыбы кости — иглы, а древесная смола — клей. Всѣмъ этимъ пользуются люди, давая всему возможно-болѣе правильную, отвѣчающую назначенію форму.

Какъ въ первые два года жизни ребенокъ приобретаетъ такую массу познаній, что съ ней едва ли сравнится все его знаніе послѣдующихъ лѣтъ, такъ и первобытный человекъ, на своихъ низшихъ стадіяхъ развитія, дѣлаетъ массу такихъ величайшихъ открытій, съ которыми едва ли могутъ тягаться всѣ позднѣйшія его открытія и изобрѣтенія, хотя бы они и

носили на себѣ громкія имена ихъ авторовъ: Ньютона, Уайта, Эдисона. Важна инициатива, импульсъ въ каждомъ дѣлѣ: данъ толчекъ — движеніе будетъ.

Какова же была жизнь въ эти отдаленныя отъ насъ эпохи? Можемъ ли мы себѣ представить

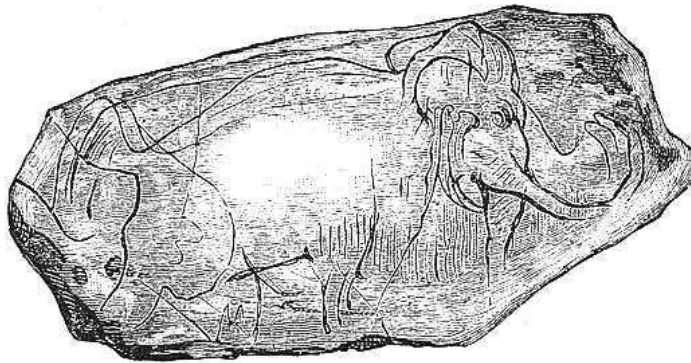

Рис. 1. Изображеніе мамонта на кости. (Изъ раскоп. Южн. Франціи).

человѣка лишеннаго всѣхъ условій современной цивилизаціи? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, бросимъ взглядъ на современныхъ дикарей—пу хотя бы на австралийцевъ.

Океанійцы живутъ въ пещерахъ, или въ примитивныхъ шалашикахъ. Они натерты воючимъ жиромъ, волосы вѣчно растрепанные, сваляшіеся. Нѣкоторые племена *не нуждаются въ огнѣ*: ѣдятъ сырымъ червей, пауковъ и гусеницъ; только при случаѣ—рыбу и дичь.

Ужаснымъ трудомъ, съ помощью тренія, добывается у сѣверныхъ племенъ огонь и поддерживается до перваго дождя; южныя племена считаютъ это роскошью. Одежда ихъ заключается въ простомъ *кускѣ коры*, кое какъ прикрѣпленномъ вокругъ бедеръ. Они выходятъ на поиски за пищей только

когда голодны. Язык их бѣденъ до того, что отвлеченныхъ понятій на немъ не существуетъ. Названія видимыхъ предметовъ: дерево, лодка, камень и пр.,—у нихъ есть, но понятій: добродѣтель, слава, умъ и др.—у нихъ не имѣется. Представленія о прошедшемъ и будущемъ имъ не доступны. Счета дальше десяти у нихъ нѣтъ. Бога у нихъ нѣтъ, есть только смутное понятіе о дьяволѣ, злой силѣ, которой надо страшиться. Они не стѣсняясь бѣдятъ своихъ дѣтей, родителей, родственниковъ.

Картина ужасная! Это низшая ступень человѣческаго развитія. Но если внимательно рассмотреть изображенія этихъ несчастныхъ представителей человѣческаго рода, насъ поразитъ одно явленіе: ясное стремленіе въ нихъ къ красотѣ и изяществу—(конечно своеобразному). Ихъ грязная конна волосъ *украшена* улитками, костями и комками глины. Это отвратительно въ натурѣ, но

симметрично, и не лишено извѣстной граціи на портретѣ. Лица ихъ расписаны чрезвычайно симметрично, даже въ оборванныхъ ушахъ (у каннибаловъ Винуа Леву) соблюдается равномерная правильность болтающихся

лохмотьевъ кожи. У нихъ каледонцевъ прическа настолько сложна, что сдѣлала бы честь любому куаферу. На ногахъ и рукахъ у нихъ браслеты, на шеѣ ожерелья, въ носу кольца и палки. Словомъ, чувство гармоніи говоритъ въ немъ, въ первобытномъ человѣкѣ, ранѣе всѣхъ другихъ чувствъ и знаній.

Было бы излишне вдаваться въ подробности, была-ли когда нибудь Европа заселена подобными племенами, или пришельцы изъ Азій, заселившіе ее, обладали значительной степенью культуры. Наконецъ вопросъ о томъ, *когда* именно наши предки находились на первобытной ступени развитія—едва-ли разрѣшимъ, хотя доисторическая археологія имѣетъ теперь много послѣдователей, и научная литература каждый годъ обогащается новымъ матерьяломъ.

Идти точнымъ изысканіямъ въ глубь первѣдомыхъ вѣковъ—не безопасно; но гипотезы современныхъ ученыхъ утверждаютъ, что ледниковый періодъ, продолжавшійся около ста тысячъ лѣтъ, получилъ уже до извѣстной степени культурнаго человѣка изъ предыдущаго періода. За послѣднее время даже возникъ вопросъ о существованіи человѣка въ концѣ третичнаго періода. Самыя добросовѣстные вычисленія заставляютъ предполагать, что появленіе человѣка въ Европѣ произошло за *полмилліона* лѣтъ до нашей эры *).

Мы не знаемъ, когда „ударилъ часъ умственнаго пробужденія человечества“ и разумъ одержалъ побѣду надъ чувственностью. Мы знаемъ только, что протекло безконечное количество вѣковъ, втеченіе которыхъ родилось и умерло безконечное количество людей, быть можетъ умныхъ, богато-одаренныхъ, красивыхъ, облада-

вшихъ колоссальными способностями, но о которыхъ до насъ не дошло никакого намека, которые исчезли въ вѣчность безслѣдно, какъ тѣ облака, что носились въ то время надъ землею. Они, быть можетъ, совершили свое: вложили свою лепту въ

сокровищницу знаній и усовершенствованій и пропали навсегда, уступивъ мѣсто новымъ поколѣніямъ.

Каменный періодъ, т. е. періодъ, когда оружіе изготовлялось человѣкомъ изъ камня, смѣнился періодомъ бронзовымъ и желѣзнымъ. Степень развитія націи и окружающія условія вліяли, конечно, на быстроту переходовъ изъ одного періода въ другой. Съ одной стороны—насъ отделяетъ отъ каменнаго періода 50 тысячъ лѣтъ; съ другой—каменный періодъ тянулся у нѣкоторыхъ народовъ до нашего времени **).

*) Мортиле, Буржуа, Карль Рибейро и др.

**) Крашенниковъ, посетившій въ прошломъ столѣтіи Камчатку, рассказываетъ, что камчадаламъ металлы неизвѣстны, и все необходимое дѣлается изъ костей и горнаго дымчататаго хрустала.

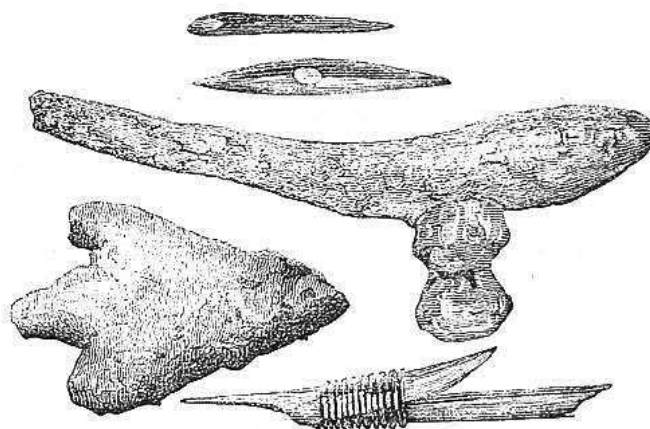

Рис. 2. Прimitivesкое оружіе (изъ камня и кости).

Определенный, вполне точный период жизни до-исторического европейца — это эпоха свайных построек. Известна весьма случайность открытия этих водяных селений. В 1854 году вода в Цюрихском озере спала и обнаружила ряды свай с озерным наносом песка и ила. Тщательные исследования указали, что это остатки былых построек. Действительно, под илом оказалась масса каменного оружия и утвари. Очевидно было, что свайная деревня погибла от пожара, и вещи, понавь горящими в воду, обуглились, и тем спаслись от гниения. Та-

опущенная на веревке корзина моментально ею наполнялась. Сообщение с берегом совершалось с помощью мостов, которые иногда спинались, а иногда заминаясь подводной плотной, на тот случай, чтобы непрошенный тигр не лвился в селение. По берегам и в долинах были поля, засеваемые пшеницей и ячменем; зерна раздроблялись между двух грубых жерновов, — и получалась мука очень грубо молотая, из которой пеклись небольшие хлебцы на раскаленных камнях. Лен и конопля служили для плетения одежды (ткацкий станок

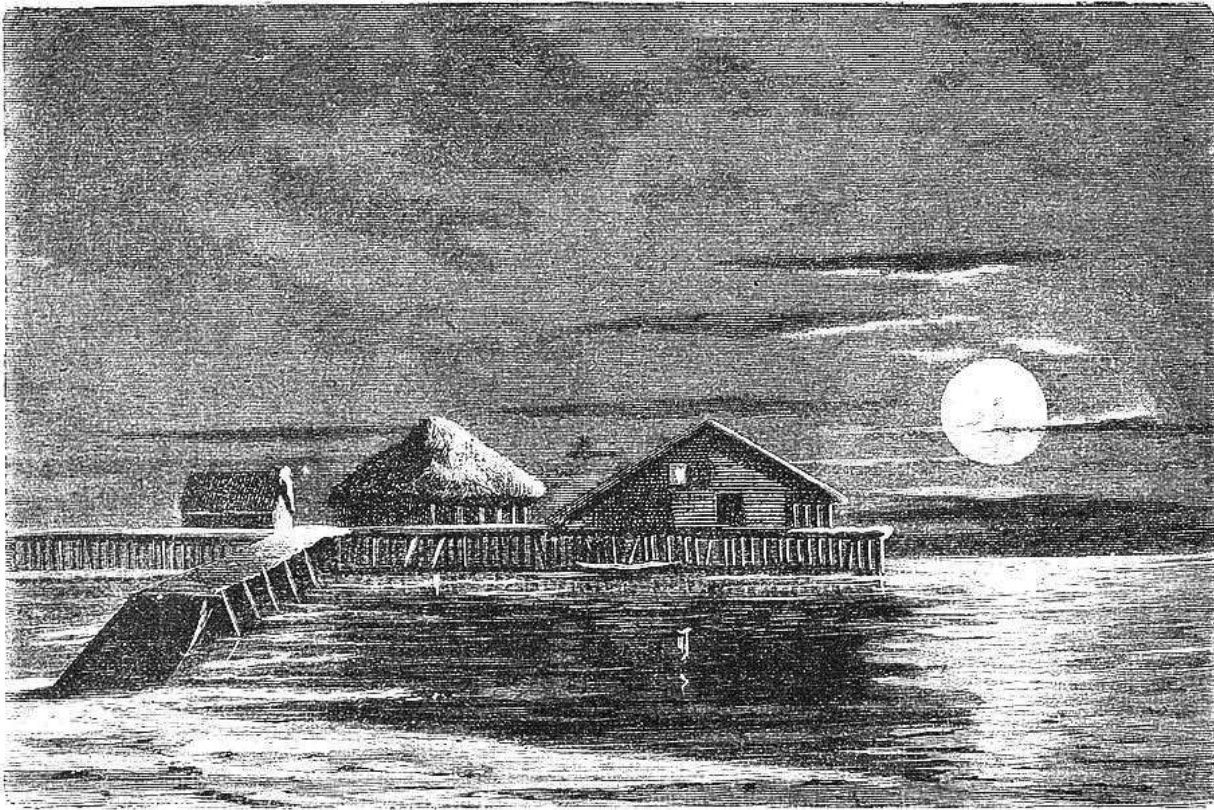

Рис. 3. Свайныя постройки.

ким образом найдены были жилища, о которых говорит Геродот в пятой книге своей истории, — и сообщение его оказалось правдивым и на этот раз.

Свайныя постройки занимали иногда обширную площадь: на одном озере нашли остатки деревни в 35 тысяч свай. Это были простые плетенныя и досчатныя хижины, с подъемным люком, через который спускались вниз к лодке. Лодка — выдолбленный челнок, — служилъ вѣроятно и для рыбной ловли, и для сообщения с берегом. Впрочемъ Геродотъ увѣряетъ, что въ иныхъ озерахъ было столько рыбы, что

былъ конечно еще неизвѣстенъ). Въ кладовыхъ встрѣчаются сушенныя груши, яблоки, орѣхи и вишни. Коровы, козы, овцы, свиньи и неизмѣнная собака — составляютъ его домашній скотъ.

Свайныя постройки не есть исключительное явление, присущее какому нибудь одному племени. Остатки ихъ находятся и въ Германіи, и въ Шотландіи, и въ Ирландіи, и въ Остзейскомъ краѣ, и на Кавказѣ. Несомнѣнно, что огромная масса народовъ, наводнившая Европу, имѣла одни общіе архитектурныя элементы, воспріятыя непосредственно отъ суровой необ-